

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье 19-го апреля 1915 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12659.

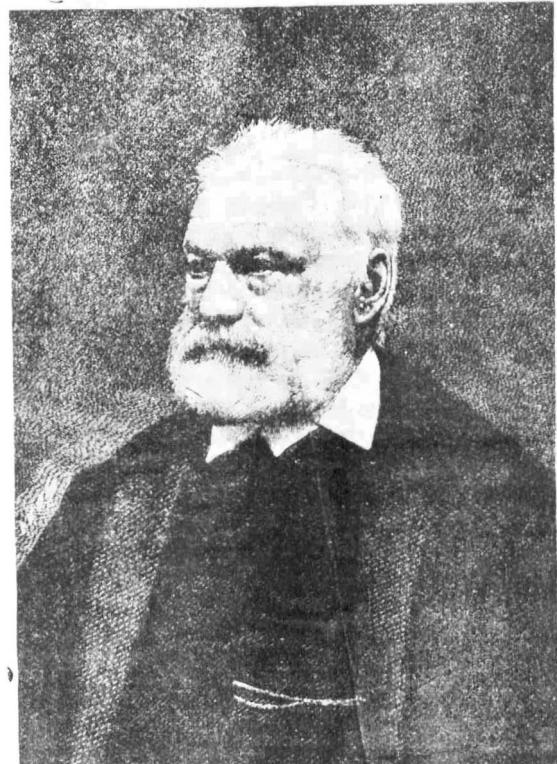
П. И. Чайковский.

(По поводу 75-лѣтия со дня рождения).

Л. Н. Майковъ.

(По поводу 15-лѣтия со дня смерти).

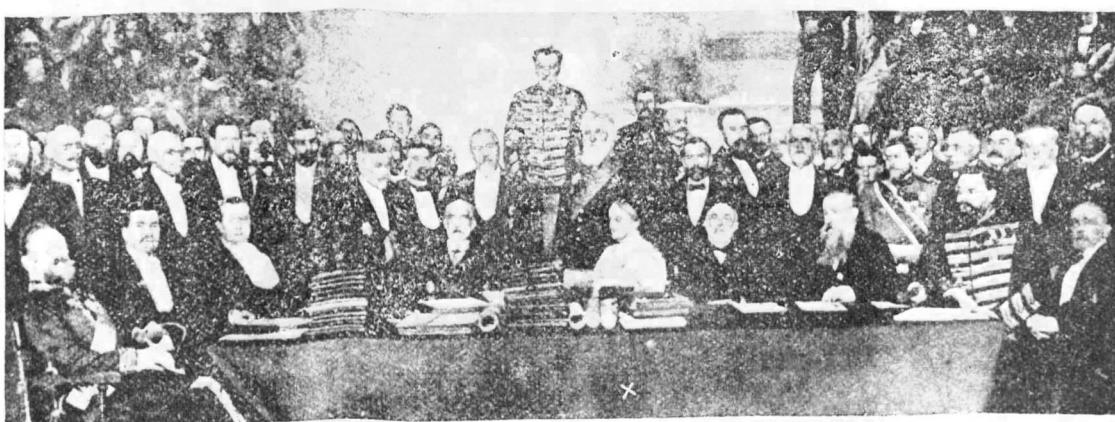
Викторъ Гюго.

(По поводу 30-лѣтия со дня смерти).

Съездъ профессоровъ.

Въ московскомъ университѣтѣ въ марте проходилъ съездъ профессоровъ русской исторіи и исторіи русскаго права всѣхъ университетовъ Россіи, созанный для выработки текста всенароднѣйшаго обра-щенія къ Его Императорскому Величеству Государю Императору, въ связи съ текущими военными со-бытиями. Инициатива съезда принадлежитъ ректору московскаго университета профессору русской ис-тории М. К. Любавскому (X). Отъ петроградскаго университета на съездъ delegированы: проф. С. В. Рождественскій и проф. В. М. Грибовскій, отъ харьковскаго—проф. Д. И. Багалій, проф. В. И. Савва, проф. М. В. Ключковъ и проф. И. А. Максимейко, отъ баранскаго—проф. Г. А. Малиновскій и проф. И. И. Козловскій, отъ казанскаго—проф. Д. А. Корсановъ и проф. В. В. Ивановскій и отъ том-скаго—проф. Г. Г. Гельбергъ. Представителями московскаго университета на съездъ профессоровъ бы-ли: ректоръ М. К. Любавскій, засл. проф. А. И. Филипповъ и проф. М. М. Богословскій.

50-лѣтие Императорского московского археологического Общества. Празднованіе юбилея состоялось 27 марта.

Президіумъ Общества съ почетными гостями. На предсѣдательскомъ мѣстѣ—графиня П. С. Уварова (X)

Мое приключение.

Когда я поднялся буждывшие взоры с желтого пола, на большое трюмо, давно ми знакомое, я увидел зеркальный диванчик, обитый зеленым бархатом, а на нем — себе, со скучающим взглядом, и рядом ми Надя, худенькую, как показалось, бледную женщину. Надя сидела, привавши русой головой к моему плечу, с лицом, улыбающимся блаженной улыбкой.

И как же не понравилась тогда ми эта улыбка блаженства!

— Глупо, — поумял я.

Странное дело. Раньше не замечал, но теперь (как раз почему-то) теперь, когда смотрел в зеркало) многое в Надя ми показалось непрятным: и ея талия несколько увеличенная (это было ясно совершенно ясно) и ея одинарное лицо. Даже глаза, больших, круглых, темных глаз, подернутых влагой, не то испуганных, не то недоумевавших, не замечать я в эту минуту.

Мои сидели на диване подле Нади, не находясь словом для разговора. Скульптура и думал:

«Чем же я виноват? Чем, в самом деле, виноват, что начинаю, увы... становиться равнодушным к этой худенькой женщине?»

Непонятная вещь творяла в нашем мире. Вдруг та недавно, совсем еще и давно, я ее страшно любил. Осенью я влажные, большие темные глаза, не то не сумевшие, не то испуганные, кроткие и невинные. «Глаза гляди» на смехе ли это...

А Надя? Любил ли она?

Нужно было видеть эту маленькую женщину, все ее существование до безумия охваченное одним чувством!

Она не уставала любить и мечтать. Мечтала в лунах обо всем, обо всем речительно; обо всем мечтала нашей будущей жизни: как же она уйдет от мужа, как же мы устроимся в небольшой,

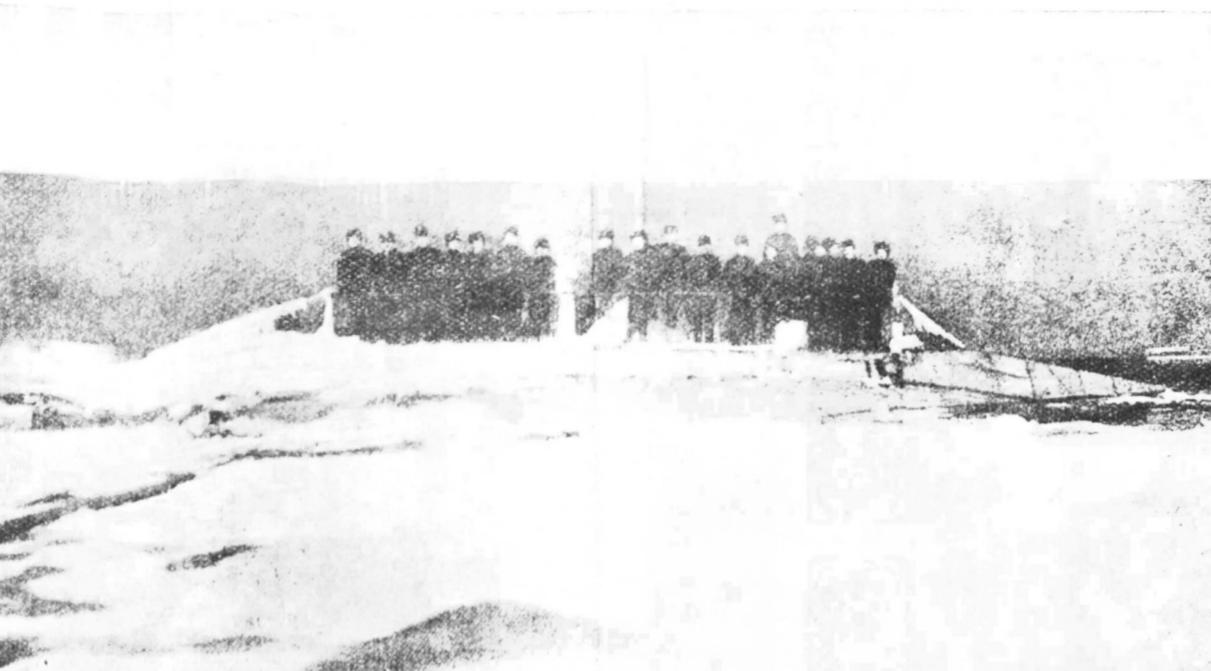

Унтер-офицер Панасюк.

В ночь на 16-е марта германцы, захватившие север от Мишина нашего разведчика младшего унтер-офицера Порфиря Панасюка, пропроводили его из одних рук в другие, расстреляв его в селении Расофф, где под пыткой в результате 10-ти германских офицеров, вынуждали его дать показания о расположении наших войск. Мужественно перенеся пытку, Панасюк упорно отказывался отвечать на вопросы германских офицеров, которые постепенно отрывали ему ухо и изуродовали лицо. После пыток Панасюку удалосьбежать от сопровождавшего его конной, он 29-го марта Верховный Главнокомандующий за фронт присвоил и жестоко похвалил Порфирью Панасюку Георгиевский крест 1-й степени и денежное пособие.

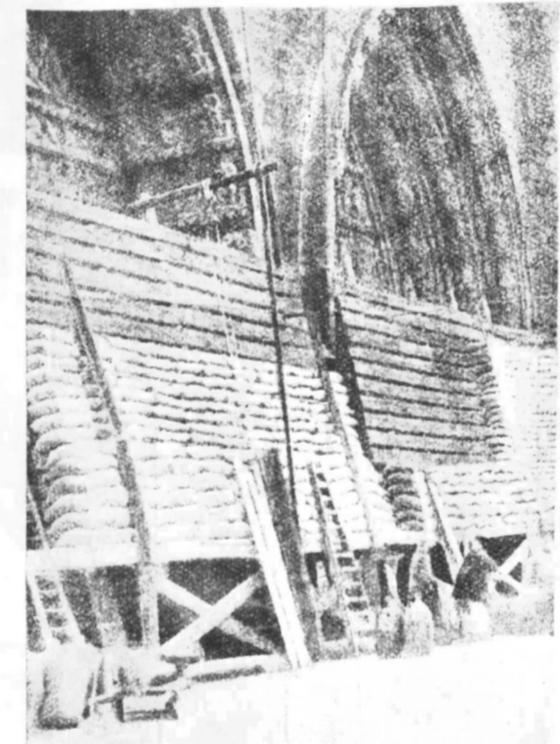
В Перемышль. — Форт № 5. Орудие в бронированном куполе.

Фотография изображает одну из наших подводных лодок, застигнутую в море при несенной почтеннейшей службе. При возвращении в порт к своей базе-транспорту лодки проявлялись во льдах. Ни название лодки, ни ее место не указывается по соображениям военного характера.

Внутренность форта «Ориак» в Перемышле.

ОХРАНА РЕЙМСКОГО СОБОРА.
Спасая реймский собор от дальнейшего разрушения его немцами, значительную часть сооружений, начиная от основания, покрыли особыми щитами, а по ним — своего рода броненосно, состоящим из набитых песком мешков. Она защищает от немецких снарядов статуи святых и королей Франции, расположенные по фасаду собора.

Великая медаль.

Награды за храбрость воюющих народов.

Первый казак на улицах Перемышля.

НА ТУРЕЦКОМ ФРОНТЕ. «Браво ханум! — кричали турки изъ своих окопов сестре С., смело выбежавшей изъ наших окопов и перевязывавшей раненыхъ въ 100 шагахъ отъ турецкой цели.

Прапорщик З. И. Стрельцовъ.

Убитъ въ бою 9-го марта.

я всталъ съ дивана. Нужно улыбаясь, погладилъ нѣсколько разъ по щекѣ встревоженную Надю; не хотѣлось оставить ее одну такою, со слезами на глазахъ. Жалко было. Да, жалко!

И, Боже мой, какая страшная сила въ этой холодной руѣ, гладящей щеку. Маленькая женщина воскресла, положительно воскресла! Запрыгала, закружила, затанцевала, какъ дитя, какъ самый счастливый человѣкъ въ мірѣ. Тормошила меня во всѣ стороны, цѣловала безъ конца, не отпускала до послѣдняго момента. А какъ свѣтились ея глаза! Бѣлье испуганные глаза!

И когда, наконецъ, ми удалось выйти на улицу, я зналъ, что эта маленькая женщина все еще со мной, что вѣтъ она пришла къ окну и смотреть ми вслѣдъ, пока не скроюсь съ глазъ.

Я обрнулся.

Въ кнѣ, прислонившись лбомъ къ стеклу, сгояла Надя и улыбалась. Улыбкой радости и надежды.

Но уже въ слѣдующую секунду лицо ея вѣргут стало напряжено серьезнымъ: вернулась недавняя тревога. Два большихъ темныхъ глаза, широко раскрытыхъ, сльдовали за мной по пятамъ, какъ бы стремясь прятнуть къ себѣ, поглотить, и я тутъ-тутъ вѣзде, за спиной, весь ужасъ ихъ безумного взгляда.

Стало вдругъ такъ невыразимо тяжело и страшно. Страшно до того, что я

прибавилъ шагъ, бѣгомъ побѣжалъ въ ближайшій переулокъ, чтобы никогда болѣе не встрѣтиться съ этимъ взглядомъ.

Дней черезъ десять послѣ описанного свиданья, наша послѣдняя встреча, Надя умерла. Случилось это съ вѣнчаной стороны весьма просто, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ. Вызывали «скорую помощь», но... «врачу пришлося констатировать смерть»: такъ напечатано было о Надиномъ конѣ въ мѣстной газетѣ мелкимъ шрифтомъ, сре-ди сообщеній о мизерныхъ кражахъ и похарахъ.

Да, да, совершенно вѣрно: «пришлося констатировать смерть!» «Констатировать смерть». Но нѣтъ! Повѣрь е мнѣ, это вовсе не такъ просто! Всё не такъ просто, какъ напечатано было въ газетѣ мелкимъ шрифтомъ.

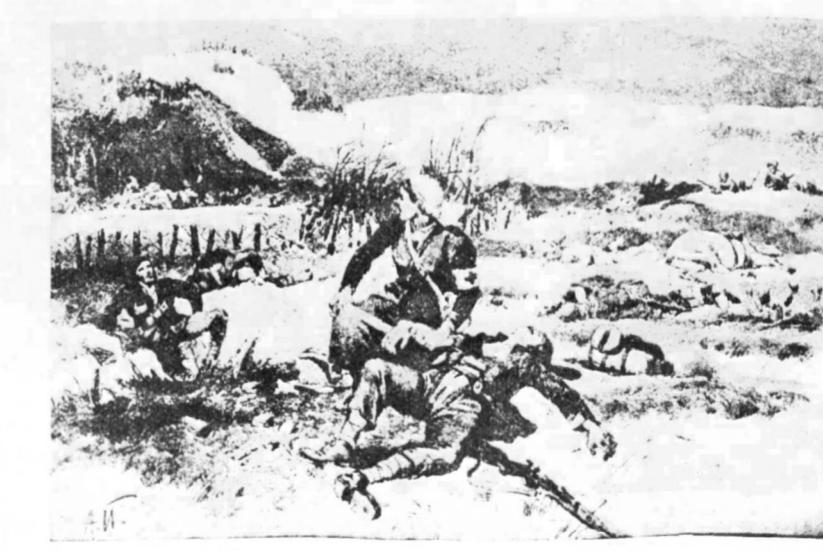
Я не спалъ нѣсколько ночей подрядъ. Потомъ пошелъ на кладбище, не могъ не пойти, хотя ненавижу горохъ мертвыхъ, не терплю романтическихъ «переживаний» въ обществѣ мертвцовъ. Вступивъ въ ограду кладбища я пристѣль на ближайшую скамью и долго сидѣлъ, думая и страдая.

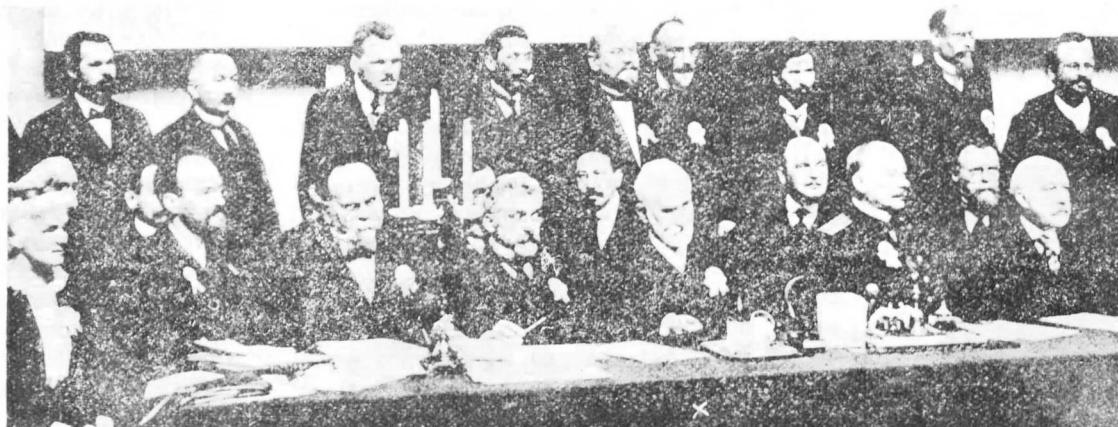
Были первые дни весны. Деревья стояли еще голые, но живые, упругія налитыя сокомъ, готовы каждую минуту зацвѣсти, зацвѣсти. Солнце грѣло горячо. Грачи на деревьяхъ кричали особынно громко.

Что я пережилъ тогда на кладбищѣ? О чёмъ я думалъ? Знаю одно только: ушъ оттуда, не рѣшивъ главного вопроса.

Съ тѣхъ поръ прошло много много лѣтъ. Я уже старикъ. Голова постѣль, сильно постѣль и трясется на ослабѣвшей шеѣ. Я уже не могу лумать такъ, какъ думалъ раньше. Но и теперь — еще и теперь! — временами встаётъ предо мною, какъ въ полузыбы, какъ въ туманѣ, все тотъ же нерѣшенный вопросъ: зачѣмъ пришла эта смерть, и не я ли привель ей? Нѣтъ ли моей вины, и если есть, то въ чёмъ она, моя вина? Въ чёмъ?

Сергей Яковлевъ.

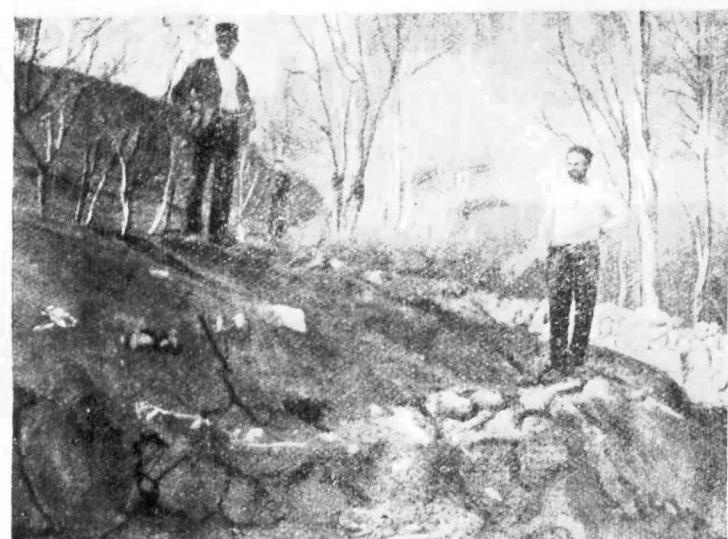

Президиумъ съѣзда географовъ въ Москвѣ. Предсѣдатель съѣзда проф. Д. Н. Анучинъ (X).

Подарки воинамъ отъ г. Харькова по дорогѣ въ действующую армію.

Оползни въ Крыму.—Трешины въ почвѣ близъ Кекенеиза.

Снимки И. И. Масольского.

